
ЭКОНОМИКА,
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

**ВАШИНГТОНСКИЙ КОНСЕНСУС:
ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БИТВ**

© 2010 г. О. Ананьин, Р. Хаиткулов, Д. Шестаков

Когда в апреле 2009 г. тогдашний британский премьер и хозяин очередной встречи “двадцатки” Гордон Браун заявил о кончине Вашингтонского консенсуса (ВК), это было не более чем официальной констатацией уже свершившегося факта. Самим фактом стал поворот в экономической политике ведущих мировых держав в ответ на финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.

Перестав быть фактором текущей политики, ВК перешел в разряд исторических феноменов, причем весьма примечательных. Этому способствовали и его неразрывная связь с крупнейшими политическими событиями рубежа XX–XXI вв., и то, что он стал своеобразным индикатором состояния и тенденций эволюции современной экономической науки вместе с ее экономико-политическими приложениями.

ВК многолик в своих проявлениях и неоднозначен в интерпретациях. По его поводу сложилось немало легенд и предрассудков; на него часто ссылаются, но далеко не всегда корректно. Настоящая статья – о том, что на самом деле представлял собой Вашингтонский консенсус и что означает его уход с исторической арены.

Вашингтонский консенсус был сформулирован английским экономистом Джоном Уильямсоном в 1989 г. как свод правил экономической политики для стран Латинской Америки. Документ имел целью обозначить отход этих стран от дирижистской модели экономического развития 1960–1970-х годов и принятие ими принципов экономической политики, общих для большинства развитых государств. Речь шла о принципах, которые, по мнению Уильямсона, отражали общую позицию администрации США, главных международных финансовых организаций – МВФ и Всемирного банка, а также ведущих американских аналити-

ческих центров. Их штаб-квартиры находились в Вашингтоне – отсюда и термин “Вашингтонский консенсус”.

Свод правил Уильямсона наверняка остался бы частным мнением автора, если бы не два обстоятельства. Во-первых, эти правила и в самом деле достаточно точно выразили умонастроения влиятельных чиновников американской администрации и международных организаций, для которых они служили орудием политики, и это, в свою очередь, обеспечило ему общественный резонанс. Речь шла о том, что без принятия таких правил странам трудно было рассчитывать на благосклонный прием в Вашингтоне, а значит, и на новые кредиты, реструктуризацию старых долгов или иностранные инвестиции. Именно в этом качестве ВК обрел политическую значимость и новый, ставший основным, смысл.

Во-вторых, ВК претендовал на научную легитимность и, как следствие, универсальность. Уильямсон сознательно искал то общее, с чем могли бы согласиться умеренные представители различных макроэкономических школ в рамках тогдашнего мейнстрима экономической науки¹. Заключительным аккордом его доклада 1989 г. было признание того “поразительного факта”, что “весь перечень политик, по которым Вашингтон имеет коллективное мнение, исходит из классического мейнстрима экономической теории, во всяком случае если к нему и сегодня можно отнести Кейнса”, и что “ни одна идея, порожденная литературой по экономике развития, ... не играет существенной роли в обосновании Вашингтонского консенсуса”².

АНАНЬИН Олег Игоревич, кандидат экономических наук, зав. кафедрой ГУ-ВШЭ, зав. центром ИЭ РАН (ananin@hse.ru).
ХАЙТКУЛОВ Руслан Гафурович, студент магистратуры ГУ-ВШЭ (khaikulovhse@gmail.com).
ШЕСТАКОВ Даниил Евгеньевич, студент магистратуры ГУ-ВШЭ (dschestakov@gmail.com).

¹ Как позже отмечал сам Уильямсон, Вашингтонский консенсус “был призван суммировать то общее, что было между неоллибералами и остальным Вашингтоном”. См.: *Williamson J. The Washington Consensus Revisited / Economic and Social Development in the XXI Century*. Ed. by L. Emmerij. Wash., 1997. P. 50.

² *Williamson J. What Washington Means by Policy Reform / Latin American Adjustment. How Much Has Happened?* Ed. by Williamson J. Wash., 1990 (<http://www.iie.com/publications/papers/print.cfm?researchid=486&doc=pub>).

Политическая и финансовая подпитка в сочетании с апелляцией к авторитету науки способствовала быстрому расширению сферы действия ВК. Особую роль в его судьбе сыграли бурные события в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, совпавшие по времени с публикацией доклада Уильямсона. Задачи, возникавшие в процессе трансформации плановых экономик в рыночные, реформаторам и их вашингтонским консультантам показались созвучными с теми, которые был призван решать ВК. В результате программа ускоренных рыночных реформ, названная “шоковой терапией”, стала еще одним его обличьем. Если учесть, что без стабилизационных и иных программ, основанных на принципах ВК, не обошлось ни в Азии, ни в Африке, то его восприятие в качестве инструмента глобальной политики также не было случайным.

Впрочем, название “Вашингтонский консенсус” не следует воспринимать буквально – консенсус никогда не был всеобщим. У него были авторитетные оппоненты на пике популярности в первой половине 90-х, и остались влиятельные сторонники после громких заявлений о его кончине. Во всех своих версиях – латиноамериканской и восточноевропейской, глобально-политической и научной – он становился объектом острых идейных битв. Эти битвы отразили не только разнообразие научных школ и политических сил, представленных в современном мире. Решающим фактором эволюции споров вокруг ВК были практические результаты применения его принципов. Его история – это невольный исторический эксперимент, в рамках которого определенный комплекс идей, санкционированных тогдашним мейнстримом экономической науки, прошел широкомасштабное тестирование международным опытом.

КТО ИСПОРТИЛ БРЕНД?

Главным свидетелем истории ВК выступил сам его автор – Джон Уильямсон. Ему принадлежит целый цикл публикаций – своего рода “Евангелия от Джона”, – содержащих немало любопытных фактов и оценок, проливающих свет на судьбу этого феномена³. Впервые текст консенсуса был

³ Первую попытку воссоздать историю Вашингтонского консенсуса на основе свидетельств Джона Уильямсона предпринял греческий исследователь Джон Марангос. См.: *Marangos John. The Evolution of the Term ‘Washington Consensus’ // Journal of Economic Surveys. 2009. V. 23. № 2; idem. What Happened to the Washington Consensus? The evolution of international development policy // The Journal of Socio-Economics. 2009. V. 38. № 1.* Основное внимание автор – как и сам Уильямсон – уделит сопоставлению

представлен в ноябре 1989 г. на вашингтонской конференции, посвященной экономическим реформам в Латинской Америке⁴. Материал был разделен на 10 рубрик (см. первый столбец таблицы), каждая из которых содержала характеристику соответствующего экономико-политического правила, а также авторский комментарий, включая пояснения по вопросам, оставшимся дискуссионными. Представив весь свод правил, Уильямсон подытожил: “Экономическую политику, к которой Вашингтон подталкивает остальной мир, можно суммировать так: благоразумная макроэкономическая политика, ориентация на открытую экономику и капитализм свободного рынка”⁵.

В первой версии консенсуса сами рубрики обозначали скорее разные области экономической политики, чем принципы действия в каждой из них, а пояснения были пространными и не всегда четкими. Уже в следующей версии 1991 г. Уильямсон придал своему детищу более целенаправленный и компактный характер, переформулировав рубрики в экономико-политические установки с краткими уточняющими пояснениями. Именно в этом виде он обычно цитируется в научной литературе (см. второй столбец таблицы)⁶. Последующие двадцать лет Уильямсон неоднократно возвращался к этому документу: воспроизводил его содержание, объяснял истоки и смысл, реагировал на его восприятие в общественно-политической и научной литературе, оценивал на фоне меняющейся обстановки.

Одна из сквозных тем этих выступлений – борьба с получившим широкое распространение толкованием ВК как неоконсервативного, или

позднейших интерпретаций ВК с первоначальным текстом 1990 г. В настоящей статье фокус внимания смещен в сторону Вашингтонского консенсуса как реальной экономико-политической стратегии, по отношению к которой текст 1990 г. служит лишь своеобразной точкой отсчета, позволяющей уловить динамику событий.

⁴ См.: *Williamson J. What Washington Means by Policy Reform / Op. cit.*

⁵ Это резюме Уильямсон снабдил комментарием: “Последний принцип Вашингтон практикует более последовательно, чем два первых, но из этого не следует их меньшая значимость. Большая часть технократического Вашингтона убеждена, что, не практикуя то, что проповедают, Соединенные Штаты наносят вред и себе и остальному миру” (См.: *Williamson J. What Washington Means by Policy Reform / Op. cit.*)

⁶ См., например: *Williamson J. Democracy and the “Washington Consensus” // World Development. 1993. V. 21. № 8. P. 1329–1336; Колодко Г. Уроки десяти лет постсоциалистической трансформации // Вопросы экономики. 1999. № 9. С. 20; Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М., 2007. С. 29–30.*

неолиберального манифеста. Стоит отметить, что доклад Уильямсона появился в то время, когда президентом США был Джордж Буш ст., а в его администрации еще сохранялся дух рейгановского неоконсерватизма. С приходом в 1993 г. демократической администрации Клинтона ситуация изменилась, и естественные поначалу ассоциации ВК с неоконсерватизмом не могли не стать обузой для его репутации. Вначале Уильямсон выражал недоумение таким его толкованием и констатировал его некорректность: если речь идет о направлении, “включающем австрийскую школу, монетаризм, новую классическую экономику и теорию общественного выбора, – разъяснял автор консенсуса, – то я, разумеется, отрицаю, что Вашингтонский консенсус является неолиберальным (или неоконсервативным)”⁷. Некоторым к тому основанием мог служить тот факт, что уже в первоначальном тексте доклада Уильямсон ссылался на некие, впрочем, неназванные аналитические центры правого толка (*right-wing think tanks*), позицию которых он противопоставлял консенсусной. Позже тональность критики ужесточилась. На одной из конференций в середине 1990-х годов он заявил: «Если я не смогу изменить значение термина на то, что объединяет Рейгана и Тэтчер с Блэром и Клинтонем (включая достойные включения в мейнстрим остатки первоначального набора экономико-политических установок Тэтчер и Рейгана, которых не так уж мало, но в число которых не входят ни монетаризм, ни фантазии “экономики предложения”), то мне придется присоединиться к обличителям Вашингтонского консенсуса»⁸. В 1997 г. Уильямсон пренебрежительно назвал доктрины Хайека и Фридмена, а также их политических учеников донкихотскими, а в 2002-м в том же духе публично заявил, что такие идеи могли определять консенсус разве что на собраниях *The Mont Pelerin Society*, то есть между единомышленниками Ф. Хайека⁹.

Пропагандистские усилия, однако, не помогли, и Уильямсону пришлось признать, что ВК стал использоваться для обозначения крайней и догматичной приверженности убеждению, что рынки могут все и смириться с тем, что “Вашингтонский консенсус оказался испорченным брендом”¹⁰.

Кто же испортил бренд? Поначалу всю вину Уильямсон пытался возложить на оппонентов, которые ложным (то есть, неолиберальным) толкованием консенсуса – то ли по недобросовестности, то ли по злему умыслу – дискредитировали его детище¹¹. Однако к концу 1990-х годов риторическая тактика изменилась: свою версию Вашингтонского консенсуса как “выражения сути того, что проповедовали Бреттон-Вудские институты” (имеются в виду МВФ и Всемирный банк) Уильямсон стал разграничивать с реальной политикой Вашингтона (то есть, соответствующих правительственных учреждений и международных организаций). В результате новым “подозреваемым” в порче бренда оказались сами вашингтонские институты. Их политика эволюционировала, вслед за ней стало меняться и представление о ВК, так что между версией Уильямсона и версией, обобщавшей эту практику, “с течением времени появились некоторые существенные различия”¹².

Конкретно речь шла о двух пунктах консенсуса. Один касался валютного курса. «Бреттон-Вудские институты, – пишет Уильямсон, – все более склонялись к так называемой биполярной доктрине. В соответствии с ней страна должна или предоставить валютному курсу свободное плавание, или твердо его зафиксировать институциональными средствами типа “валютного управления”... Это прямо противоречило моей версии Вашингтонского консенсуса, предусматривавшей конкурентный обменный курс»¹³. В докладе 1989 г. Уильямсон пояснял, что конкурентный курс должен соответствовать ключевым макроэкономическим

⁷ *Williamson J.* Democracy and the “Washington Consensus”. P. 1334.

⁸ *Williamson J.* Lowest Common Denominator or Neoliberal Manifesto? The Polemics of the Washington Consensus / Challenging the Orthodoxies. Ed. by R.M. Auty and J. Toye. N.Y., 1996. P. 21.

⁹ См.: *Williamson J.* The Washington Consensus Revisited. P. 50; *idem.* Did the Washington Consensus Fail? Speech at the Center for Strategic & International Studies. 06.11.2002. (<http://www.iie.com/publications/papers/paper.cfm?ResearchID=488>).

Справедливости ради нужно отметить, что далеко не все экономисты, опиравшиеся на традицию австрийской школы, поддерживали реформы в духе шоковой терапии и рыночного фундаментализма. Достаточно упомянуть одного из наиболее активных сторонников эволюционного

подхода к трансформации плановых экономик в рыночные П. Мюррела.

¹⁰ *Williamson J.* What Should the World Bank Think about the Washington Consensus? // *The World Bank Research Observer.* 2000. V. 15. № 2. P. 251; *idem.* From Reform Agenda to Damaged Brand Name // *Finance and Development.* September. 2003. P. 12.

¹¹ См., например: *Williamson J.* The Strange History of the Washington Consensus // *Journal of Post Keynesian Economics.* 2004–2005. V. 27. № 2. P. 199.

¹² *Williamson J.* A Short History of the Washington Consensus / *The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance.* Ed. by N. Serra and J.E. Stiglitz. Oxford & N.Y., 2008. P. 22, 21.

¹³ *Ibidem.* P. 21.

параметрам, независимо от того, каким способом это соответствие достигается. Иными словами, допускалось целенаправленное регулирование курса по определенным правилам. Биполярная доктрина, напротив, в обоих своих вариантах исключала этот инструмент из арсенала средств государственного регулирования¹⁴.

Второй пункт – регулирование капитальных потоков. “Бреттон-Вудские институты, во всяком случае МВФ, – отмечает Уильямсон, – с середины 1990-х годов¹⁵ стали настаивать на том, чтобы страны шли на либерализацию своих капитальных счетов, тогда как в моей версии призыв к либерализации потоков капиталов сознательно ограничивался прямыми иностранными инвестициями. Оба эти отклонения от оригинальной версии были, по моему мнению, ужасны, причем первое из них в значительной мере ответственно за аргентинский кризис 2001 г., а на втором лежит значительная доля ответственности за азиатский кризис 1997 г.”¹⁶

Уильямсон фиксирует и некоторые другие расхождения между политикой Вашингтона и своей версией ВК, в частности, в трактовке пункта о приватизации. Он, конечно, не мог отрицать, что его формулировка (“государственные предприятия следует приватизировать”) была весьма категоричной, и при желании под нее можно было подвести самую радикальную программу приватизации. Но когда провал шоковых приватизационных программ в бывших плановых экономиках стал осознаваться, Уильямсон все же попытался увести свое детище от ответственности.

Он стал подчеркивать специфичность латиноамериканского контекста появления консенсуса, где вопрос о приватизации стоял иначе, чем в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, и где, в частности, тема ускоренной, а тем более ваучерной, приватизации в повестке дня не значилась и, соответственно, в Вашингтонском

консенсусе не затрагивалась¹⁷. При этом он язвительно намекнул на причастность Вашингтона к ошибкам приватизации, выразив в 1999 г. эту мысль в форме предположения о том, что “накопленный опыт освободил таких талантливых, командующих парадом в Вашингтоне джентльменов, как Фишер, Гринспен и Саммерс, от прежнего неуместного энтузиазма в отношении быстрого открытия капитальных счетов и приватизации любой ценой”¹⁸.

Приход к власти в США администрации Джорджа Буша мл. внес новые нюансы в ситуацию: разногласия возникли уже внутри “Вашингтона”: между американскими властями, с одной стороны, и МВФ и Всемирным Банком – с другой. Теперь за порчу бренда “Вашингтонский консенсус” оставалось винить только американскую администрацию, которая продолжала требовать либерализации движения капиталов на развивающихся рынках даже тогда, когда МВФ после азиатского кризиса дал отбой такой практике, и оставалась глухой к проблеме распределения доходов в то время, когда Всемирный банк сфокусировал на ней свое внимание. “В результате, – резюмировал Уильямсон в 2003 г., – какой бы то ни был Вашингтонский консенсус просто перестал существовать. Это стало отражением пропасти, которая при администрации Буша разверзлась между Союзными Штатами и остальным миром”¹⁹.

Итак, в свидетельствах Уильямсона фигурируют, по крайней мере, три версии ВК:

1) свод правил экономической политики, представленный в его собственных публикациях, прежде всего в докладе 1989 г.;

2) сама экономическая политика, которую Вашингтон практически проводит в отношениях с остальным миром;

3) неолиберальный (неоконсервативный) манифест, обобщающий принципы экономической политики американских и британских неоконсерваторов времен Рейгана и Тэтчер.

Две первые версии Уильямсон считает правомерными, третью – ложной. Все они имеют немало общего: частная собственность, при прочих равных условиях, предпочтительнее государ-

¹⁴ Характерно, что на это расхождение Уильямсон обращал внимание и раньше, но тогда брал ответственность на себя, признавая, что некорректно представил позицию Вашингтона. См., например: *Williamson J. The Washington Consensus Revisited*. P. 49, 54.

¹⁵ Впрочем, Уильямсон однажды признал, что Стэнли Фишер усомнился в этом пункте с самого начала, сославшись на преобладание в Вашингтоне твердой веры в то, что финансовые потоки капитала ограничивать не следует. См.: *Williamson J. Economic Reform: Content, Progress, Prospects*. Wash., 1999 (<http://www.icrier.org/pdf/johnW.PDF>).

¹⁶ *Williamson J. The Strange History of the Washington Consensus*. P. 200.

¹⁷ См., например: *Williamson J. Williamson versus Washington Consensus?* 10.12.2008 (<http://www.growthcommissionblog.org/content/williamson-versus-the-washingtonconsensus>).

¹⁸ *Williamson J. Economic Reform: Content, Progress, Prospects*. P. 28.

¹⁹ *Williamson J. From Reform Agenda to Damaged Brand Name*. P. 12.

ственной; рыночное саморегулирование – регулирующей роли государства; открытая экономика – экономики, защищенной от международной конкуренции. В этом смысле Вашингтонский консенсус – это доктрина, находящаяся на правом фланге стандартного общественно-политического спектра. Однако при более детальном рассмотрении оказывается, что по степени радикализма в отстаивании принципов *laissez faire* три версии Уильямсона различаются. Первая (версия самого Уильямсона) представляется наиболее умеренной; вторая, “практическая” – как изначально совпадающая с первой, а затем эволюционирующая в сторону большего радикализма; третья, неолиберальная – как наиболее радикальная.

Впрочем, неолиберальная версия занимает в концепции Уильямсона специфическое место. Это то, как, по его мнению, изображают Вашингтонский консенсус критики. Функция этого образа – риторическая: с его помощью позиция оппонентов доводится до абсурда и затем легко “опровергается”.

В отличие от Уильямсона критики ВК, прежде всего наиболее авторитетный из них – Джозеф Стиглиц, называют его неолиберальной доктриной, исходя отнюдь не из сопоставления с идеями неоконсерваторов, а из анализа реальной политики Вашингтона²⁰. Поэтому, если сопоставить не то, что два оппонента подразумевают под неолиберальной доктриной, а то, как они оценивают политику Вашингтона, то разногласия между ними окажутся больше терминологическими, чем содержательными²¹. Принципиально важно, что оба оппонента согласны с тем, что ВК – это продукт именно мейнстрима экономической науки 80-х годов, а не маргинальной группы неоконсервативных идеологов. И если влияние нео-

консерватизма в этом мейнстриме действительно присутствовало, то лишь в той мере, в какой сам академический истеблишмент был готов его воспринять. Соответственно, и закат Вашингтонского консенсуса был поражением именно мейнстрима экономической науки.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Впрочем, вначале судьба ВК складывалась благоприятно. Первая половина 90-х в Латинской Америке прошла под его знаком. Большинство стран региона последовали рекомендациям консенсуса, получив обнадеживающие результаты: снизилась инфляция, заметно оживились государственные финансы, многократно увеличился приток иностранных инвестиций. Средние по региону темпы роста составили в 1990–1995 гг. 4,2 %, тогда как в предшествующий пятилетний период они не превышали 1%²². Это внушало доверие к начатым реформам и укрепляло авторитет их инициаторов и сторонников. Именно на этой волне Вашингтонский консенсус привлек к себе широкое внимание, стал узнаваемым брендом.

Первым тревожным сигналом стал мексиканский кризис 1994 г., настигший страну, служившую образцом для подражания в глазах ревнителей консенсуса. Этот кризис еще не переломил общего оптимистического настроения, но дал повод для критического переосмысления наметившихся тенденций. Так, Пол Кругман уже в 1995 г. указал на этом примере на нездоровый характер экономического роста, провоцируемого ВК, и предсказал, что этот кризис станет переломным моментом, после которого пузырь консенсуса “начнет сдуваться”. Согласно Кругману, “у ошеломляющего первоначального успеха Вашингтонского консенсуса не было твердой основы. Он опирался на чрезмерно оптимистичные ожидания... Его пятилетнее господство полезно осмыслить как своего рода спекулятивный пузырь, породивший не только обычный экономический процесс, посредством которого чрезмерный рыночный оптимизм становится самоосуществляющимся пророчеством, но и более изощренный политический процесс, в рамках которого между общими ожиданиями политиков и инвесторов сложились отношения взаимного усиления”. “С одной стороны, – продолжал Кругман, – скромное оживление после мрачных 80-х обеспечило значительное приращение капиталов тем немногим инвесто-

²⁰ См.: *Стиглиц Дж.* Многообразные инструменты, шире цели: движение к пост-Вашингтонскому консенсусу // Вопросы экономики. 1998. № 8; *его же.* Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003; *Stiglitz J.* Is there a Post-Washington Consensus Consensus? / The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance. Ed. by N. Serra and J.E. Stiglitz. Oxford & N.Y., 2008.

²¹ Уильямсон приводит любопытный факт: Стиглиц отклонил его предложение провести дискуссию о консенсусе на том основании, что по существу дела, в отличие от семантики, разногласия между ними невелики, а семантику он “не считает достойным предметом для обсуждения” (см.: *Williamson J.* Our Agenda and the Washington Consensus / After the Washington Consensus. Ed. by P.P. Kuczynski and J. Williamson. Wash., 2003. P. 326). В свою очередь, Уильямсон признавался, что “есть совсем немного таких вопросов, по которым я не соглашусь со Стиглицем – разве что с его готовностью мириться с высокой инфляцией и его враждебностью к таргетированию инфляции” (см.: *Williamson J.* Williamson versus Washington Consensus?)

²² См.: *Kuczynski P.P.* Setting the Stage / After the Washington Consensus. Ed. by P.P. Kuczynski and J. Williamson Wash., 2003. P. 25.

рам, которые пожелали вложить деньги в фондовые биржи Третьего мира. Их успех побудил других инвесторов также войти в игру, поднимая цены все выше. С другой стороны, образовался политико-экономический цикл, в рамках которого правительства убеждали принять Вашингтонский консенсус тем, что рынки за это эффективно вознаграждали, а рынки охотно вовлекали огромные капиталы, полагая, что наблюдают неустанное движение по реформированию политики... Адвокатам Вашингтонского консенсуса не нужно было ни сложно объяснять преимущества лучшего размещения ресурсов, ни призывать публику соглашаться на краткосрочные тяготы ради долгосрочных выгод. Так как финансовые рынки давали немедленные и щедрые авансы под предполагаемые выигрыши от свободной торговли и твердых денег, было нетрудно убеждать делать то, что надо, отбрасывая в сторону обычные политические возражения²³.

Другими источниками тревоги стали Восточная Европа и постсоветское пространство, где к тому времени начала проходить эйфория по поводу реформ. Появилась работа Яноша Корнаи о трансформационном спаде, в которой автор – один из главных энтузиастов рыночных реформ в Восточной Европе – признал, что события стали развиваться иначе, чем ожидалось, “терпение масс на исходе..., ситуация может выйти из-под контроля”²⁴. С критикой шоковой терапии выступила и группа крупнейших американских экономистов – лауреатов Нобелевской премии²⁵.

Решающие удары по репутации Вашингтонского консенсуса пришлось на рубеж веков. Серия кризисов, начавшаяся в Азии (1997 г.) и завершившаяся в Аргентине (2001–2002 гг.) заставила искать ему альтернативу. К тому же сравнение результатов стран, следовавших рекомендациям консенсуса, и их отвергавших (прежде всего Китай и Индия), оказалось явно не в пользу первых. Эти поиски нашли выражение и в развернутом Дж. Стиглицем движении к поствашигтонскому консенсусу, и в смене тональности материалов Всемирного банка, где все большее внимание стало уделяться социальным и институциональным

сторонам экономического развития²⁶, и в ряде других инициатив²⁷.

Подключился к этой работе и Джон Уильямсон, признавший наконец, что неудача Вашингтонского консенсуса была обусловлена не только тем, что Вашингтон поступился “собственными принципами” в его – Уильямсона – редакции, но и несовершенством самой этой первоначальной редакции. По его словам, «было бы слишком просто разделаться с критикой Вашингтонского консенсуса, сославшись исключительно на то, что многие люди использовали термин в ином смысле, чем я. Факт состоит в том, что результаты последнего десятилетия (в Латинской Америке – Авт.) были разочаровывающими... Мы должны дать ответ “почему?”». Уильямсон назвал три изъятия в своей версии ВК:

а) ей не хватало предупреждения о некоторых из возможных рисков, с которыми страны сталкивались;

б) она игнорировала институциональные реформы;

в) она была слишком узко сфокусирована на рост²⁸.

НА ПУТИ ИЗ ВАШИНГТОНА В БАРСЕЛОНУ

Самокритика Уильямсона не затронула ни один из первоначальных пунктов консенсуса, но она тем не менее весьма показательна как реестр его пробелов – того, на что в Вашингтоне двадцать лет тому назад не считали нужным обращать внимание. Это и антикризисная составляющая экономической политики, и институциональная среда экономики, и проблемы распределения доходов²⁹.

Мысль о том, что ВК следует скорее дополнить, чем изменить, а если и менять, то лишь сохранив его ядро (пусть по-разному определяе-

²³ *Krugman P. Dutch Tulips and Emerging Markets // Foreign Affairs. 1995. V. 74. № 4. P. 31–32, 35–36, 38–39.*

²⁴ *Kornai J. Macroeconomic Dilemmas of Transition // Tranzit Club Series. Institute of Economics. 1993. № 3.*

²⁵ См.: Заявление о намерениях Группы экономических преобразований // Проблемы прогнозирования. 1994. № 4; Реформы глазами российских и американских ученых. Под ред. О.Т. Богомолова. М., 1996.

²⁶ См.: Государство в меняющемся мире. Отчет о мировом развитии. М., 1997; Доклад о мировом развитии 2000/2001: Наступление на бедность. М., 2001; Доклад о мировом развитии 2002: Создание институциональных основ рыночной экономики. М., 2002.

²⁷ См., например: *Washington Contentious: Economic Policies for Social Equity in Latin America. Ed. by N. Birdsall and A. de la Torre. Wash., 2001.*

²⁸ См.: *Williamson J. Our Agenda and the Washington Consensus. P. 327, 329.*

²⁹ По свидетельству Уильямсона, “в Вашингтоне вопрос о распределении доходов в 80-е годы практически выпал из повестки дня” (см.: *Williamson J. Economic Reform: Content, Progress, Prospects. P. 28.*)

мое), была характерна для многих разработок этого периода³⁰. Поэтому вполне закономерной стала попытка объединить усилия экспертов и выработать некий новый консенсус в отношении принципов разумной экономической политики. При поддержке Всемирного банка эта идея была реализована в рамках международного проекта “Пересмотр Вашингтонского консенсуса. На пути к новым правилам глобального регулирования”. Проект начался с цикла семинаров по урокам реформ 1990-х годов. В 2003–2004 гг. с докладами на них выступили лидер польских реформаторов Л. Бальцеревич, бывший президент Бразилии Ф. Кардозо, Д. Уильямсон, Л. Саммерс и представитель ООН Р. Хунаиди.

В сентябре 2004 г. состоялась заключительная встреча участников проекта. По ее итогам 16 видных экономистов, представители разных традиций экономической мысли – среди них Оливье Бланшар, Пол Кругман, Хосе Антонио Окампо, Дэни Родрик, Джеффри Сакс, Джозеф Стиглиц, Стэнли Фишер, Джон Уильямсон, специалисты ряда развивающихся стран – подписали “Барселонскую повестку дня по вопросам развития”, или Барселонский консенсус (БК)³¹. Документ состоял из семи пунктов, одна часть которых тематически перекликалась с положениями ВК, другая – затрагивала современные глобальные проблемы.

Подписание БК и доклад Всемирного банка “Экономический рост в 1990-е годы. Уроки десятилетия реформ” (2005 г.) можно считать завершением определенного цикла в поиске рациональных подходов к формированию стратегий экономического развития. По меркам истории полтора десятилетия – небольшой срок. Однако в данном случае речь идет о таком ее отрезке, когда события развивались весьма стремительно, то есть течение времени было как бы ускоренным, а накопленный опыт – особенно богатым.

Как менялись в эти годы представления о разумной экономической политике? Речь, конечно, может идти лишь о некотором общем векторе таких изменений, не учитывающем всего множества концепций, представленных в эксперт-

ном сообществе, тем более – в общественном сознании. С этой точки зрения, Вашингтонский и Барселонский консенсусы – при всех различиях в их общественном статусе – представляют значительный интерес для анализа динамики взглядов влиятельных кругов экспертного сообщества. Чтобы лучше проследить логику и хронологию изменений в понимании проблем экономического развития, при сравнении двух консенсусов полезно воспользоваться также двумя дополнительными источниками – скорректированной версией ВК, отражающей экспертное мнение “отца” Вашингтонского консенсуса Дж. Уильямсона на середину 1990-х годов, и концепцией экономической политики для Латинской Америки начала 2000-х годов, предложенной исследовательским коллективом, где одним из руководителей также был Уильямсон (см. табл.). Фигура Джона Уильямсона здесь не случайна – сам факт его участия в разработке всех рассмотренных документов делает их более сопоставимыми.

Сравнительный анализ проведем в четырех основных аспектах:

- а) принципы макроэкономической политики, включая макроэкономическое регулирование внешнеэкономических связей;
- б) принципы политики распределительных отношений;
- в) принципы институционального реформирования;
- г) принципы микроэкономической политики, включая внешнеторговую.

В самом общем виде сравнение четырех концепций экономической политики показывает, что на первом этапе – к середине 90-х годов – сами изменения носили еще частный характер, но уже наметились признаки будущих более глубоких подвижек. “Смена вех” произошла на втором этапе, соответствующем рубежу веков. Барселонский консенсус и доклад Всемирного банка об уроках реформ подтвердили и обобщили этот поворот.

К середине 90-х пришло понимание того, что новый экономико-политический курс не решает проблем бедности и несправедливого распределения доходов – позже эта проблема будет осмыслена как узость целевых установок ВК. Череда кризисов в начале XXI в. заставила пересмотреть макроэкономическую компоненту ВК, а ход трансформации бывших плановых экономик перенаправил внимание специалистов на ключевую роль институтов. Так определились основные линии изменений в подходе к экономической политике.

³⁰ См.: *Rodrik D. Fifty Years of Growth (and Lack Thereof): An Interpretation / Rodrik D. One Economics, Many Recipes. Princeton, 2007. P. 16–21.*

³¹ Результаты проекта были использованы при подготовке доклада Всемирного банка (см.: *Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reforms. World Bank. Wash., 2005*). Полностью материалы проекта были опубликованы в 2008 г. (см.: *The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance. Ed. by N. Serra and J.E. Stiglitz. Oxford and N.Y., 2008*).

В сфере макроэкономической политики ВК требовал сбалансированного бюджета при ограничении государственного регулирования в отношении кредитных рынков и валютного курса. Предполагалось, что оздоровление финансовой системы высвободит предпринимательскую энергию и обеспечит экономический рост.

В середине 90-х годов Уильямсон фокусирует внимание на том, что для роста нужны внутренние сбережения, особенно частные. Пикантность этого тезиса состоит в том, что в традиционных теориях экономического развития данная тема была одной из центральных, а ВК с самого начала противопоставлялся этим теориям! Непосредственное влияние разразившегося тогда мексиканского кризиса сказалось лишь в более жесткой постановке вопроса о государственном надзоре за финансовым сектором.

Спустя несколько лет ситуация меняется весьма радикально – фактически происходит реабилитация активной макроэкономической политики. На первый план выходит задача предупреждения кризисов, а проциклическая политика предшествующих лет становится объектом критики. БК и особенно доклад Всемирного банка подтвердили эту установку, признав распространенной ошибкой 90-х годов “узкое толкование принципов макроэкономической стабильности, внутренней либерализации и открытости по отношению к международной торговле, сводящее их к требованиям минимизации бюджетных дефицитов, минимизации инфляции, минимизации тарифов, максимально широкой приватизации, максимальной либерализации финансов”³².

В сфере перераспределительной политики ВК был весьма лаконичным: налоговая база должна быть широкой, а предельные ставки – умеренными. В разделе о налогах в мягкой форме констатировалась целесообразность обложения доходов от капитала, вывезенного за рубеж, а в разделе о государственных расходах отмечалась приоритетность расходов на начальное образование, первоочередную медицинскую помощь, а также на общественную инфраструктуру. Как было сказано, тема распределения доходов в Вашингтоне 80-х годов актуальной не считалась. Тем не менее уже в 1991 г. в краткую версию раздела ВК о налоговой реформе Уильямсон включил оговорку о неснижении достигнутого уровня прогрессивности налогообложения. В развернутой первоначальной версии ее не было.

Но даже после того, как в 1994 г. в зените успеха ВК в Латинской Америке лидеры государств континента официально провозгласили борьбу с бедностью своей фундаментальной целью³³, рекомендации Уильямсона по коррекции ВК ограничились выделением вопроса о расходах на образование в отдельную рубрику.

Признаком перелома ситуации стала публикация доклада Всемирного банка о наступлении на бедность. Новые веяния проявились и в программной работе Кучинского и Уильямсона 2003 г., где уже подчеркивалась необходимость усиления прогрессивности налогообложения, особенно за счет налогов на собственность, а в более общей форме был поставлен под сомнение популярный тогда тезис о предпочтительности косвенного налогообложения перед прямым.

В Барселонском консенсусе тема распределения доходов была обозначена, но не расшифровывалась, зато в докладе Всемирного банка об уроках реформ было отмечено возрождение интереса к вопросу о влиянии неравенства на экономический рост и выделено несколько направлений такого влияния: “Более справедливые общества предлагают своим гражданам больше общественных благ, больше социальной поддержки и больше социального капитала, ... это облегчает им достижение консенсуса при принятии экономико-политических решений. В справедливом обществе легче достигнуть согласия в вопросах производства общественных благ, что вызывает благотворные побочные эффекты для общества через такие сферы, как образование, здравоохранение, переработка отходов... Лучшее распределение богатства ослабляет кредитные ограничения, а это, как было выявлено, также положительно влияет на экономический рост”³⁴.

В сфере институционального реформирования изменения в подходе были особенно радикальными. В ВК термин “институты” вообще не фигурировал, хотя соответствующая проблематика затрагивалась в двух разделах: в восьмом – говорилось о целесообразности приватизации государственных предприятий, в десятом – о необходимости защиты прав собственности, причем последний пункт, по свидетельству самого Уильямсона, был добавлен ради круглого счета³⁵.

³² Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reforms. 2005. P. 11.

³³ См.: Washington Contentious: Economic Policies for Social Equity in Latin America. 2001. P. 8.

³⁴ Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reforms. 2005. P. 52.

³⁵ См.: Washington Contentious: Economic Policies for Social Equity in Latin America. P. 5.

В середине 1990-х годов тема институтов появилась, и в свою скорректированную версию ВК Уильямсон включил дополнительный раздел “строительство институтов”. Правда, трактовка вопроса была еще весьма архаичной. Под институтами понимались ведомства, а “перечень институтов, которые необходимо выращивать”, сводился к независимому центральному банку и бюджетному ведомству³⁶.

Несколько лет спустя Уильямсон с соавтором о подобном подходе пишут уже снисходительно, а вопросы институционального строительства получают качественно иную интерпретацию. Речь идет прежде всего о роли государства в создании и поддержании институтов рыночной экономики, обеспечении общественных благ, интернализации внешних эффектов и коррекции распределения доходов. К тому же времени относится характерное признание Уильямсона: “Нужно согласиться, что Вашингтонский консенсус не был впереди своего времени. Он был нацелен на политику, но не на институты. Признание ключевой роли институтов в процессе развития – это крупнейший сдвиг в теории экономического развития 1990-х годов”³⁷. Специалисты, не забывшие работ Г. Мюрдаля или А. Хиршмана, по достоинству оценят эти слова!

В Барселонском консенсусе теме институтов посвящен первый раздел документа, а качество институтов стоит на первом месте среди факторов успешности стратегий развития.

В сфере микроэкономической политики изменения были не столь радикальными, но и они заслуживают внимания. В ВК вектор политики был однозначным, речь шла о дерегулировании внутри страны и либерализации внешней торговли. Правда, уже при формулировании канонической его версии в 1991 г. Уильямсон внес в текст отсутствовавшие в первоначальной версии оговорки относительно норм, дерегулированию не подлежащих. Они касались безопасности, защиты окружающей среды и надзора в финансовом секторе. В дальнейшем изменения в подходе были разнонаправленными: линия на либерализацию укрепилась появлением установки на дерегулирование рынка труда, тогда как требования к внешнеторговой либерализации стали формулироваться менее жестко.

Наиболее существенными оказались подвижки в оценке отраслевой (промышленной) политики.

И в первоначальной версии ВК, и в его дополненной версии 1997 г. отношение к такой политике было резко отрицательным. Формально эта позиция получила подтверждение и в 2003 г., однако, на этом этапе круг задач экономической политики был дополнен созданием национальных инновационных систем, призванных выполнять часть функций, которые традиционно ассоциировались с промышленной политикой.

Доклад Всемирного банка об уроках реформ обобщил споры на эту тему принципом “правительственные решения должны направляться и контролироваться, но не подменяться общими правилами”³⁸. При этом пояснялось, что курс на приватизацию, финансовую либерализацию и устранение ограничений на импорт нацелен не только на содействие лучшему размещению ресурсов, но и на снижение потребностей в правительственных решениях по конкретным вопросам. Однако опыт показал, что без таких решений не обойтись. Более того, значительная часть успехов восточноазиатских стран связана именно с тем, что в них был создан достаточный простор для действия правительственных органов и одновременно работали сдержки и противовесы, обеспечивавшие их подконтрольность.

“ЯБЛОЧНЫЙ ПИРОГ” ДЖОНА УИЛЬЯМСОНА

Философия, лежавшая в основе ВК, нашла яркое выражение в одной из первых работ Уильямсона, посвященных разъяснению принципов ВК. В 1993 г. он полагал, что базовые экономические проблемы могут иметь столь же несомненные решения, как проблемы естественнонаучные. На этом основании он ставил вопрос о выведении этих проблем за рамки “политической повестки дня”, аргументируя тем, что “никто не чувствует себя ущемленным из-за того, что в политических дебатах не представлена партия, настаивающая на том, что земля плоская”³⁹. А если всеобщего единодушия ожидать все же не приходится, то лишь потому, по его выражению, что “мир не без чудачков”. Применив этот подход к своим десяти принципам ВК, Уильямсон половину из них с минимальными оговорками поставил в одну категорию с утверждением, что земля круглая, еще два принципа отнес к числу тех, которые могут

³⁶ *Williamson J.* The Washington Consensus Revisited. 1997. P. 56–57.

³⁷ *Williamson J.* Our Agenda and the Washington Consensus. 2003. P. 329.

³⁸ *Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reforms.* 2005. P. 14.

³⁹ *Williamson J.* Democracy and the “Washington Consensus”// *World Development.* 1993. V. 21. № 8. P. 1330.

Таблица. Эволюция базовых принципов экономической политики: 1990–2004 гг.¹

Вашингтонский консенсус (ВК)		Дж. Уильямсон	П. Кучински и Дж. Уильямсон	Барселонский консенсус (БК)
1989 ²	1991 ³	1997	2003	2004
1. Фискальные дефициты	1. Фискальная дисциплина. Бюджетный дефицит, измеренный надлежащим образом, включая превышение расходов над доходами региональных правительств, государственных предприятий и центрального банка, должен быть достаточно мал, чтобы для его финансирования не следовало прибегать к инфляционному налогу. Для этого, как правило, необходимо иметь первичный профицит (разность доходов и расходов без издержек обслуживания долга) в несколько процентов ВВП и ограничить операционный дефицит (не учитывающий ту часть процентных выплат, которая компенсирует инфляцию) двумя процентами ВВП. 4. Финансовая либерализация. Конечная цель финансовой либерализации – процентные ставки, устанавливаемые рынком. Однако, как показывает опыт, при хронически низком уровне доверия, рыночные ставки могут быть столь высоки, что это будет угрожать платежеспособности производственных предприятий и правительства. При этих обстоятельствах разумные промежуточные цели – отмена пониженных процентных ставок для привилегированных заемщиков и достижение не слишком высокой положительной реальной ставки процента. 5. Конкурентный обменный курс. Необходим единый (хотя бы для внешнеторговых сделок) обменный курс, поддерживаемый на уровне, достаточном для стимулирования быстрого роста нетрадиционного экспорта, и управления быстрой экспортеров в сохранении высокой конкурентоспособности экспорта и в будущем. 7. Либерализация притока прямых иностранных инвестиций. Барьеры, препятствующие входу иностранных фирм, следует отменить; иностранные и отечественные фирмы должны конкурировать на одинаковых условиях.	Обеспечение высокого уровня внутренних сбережений. Финансовая дерегуляция при условии эффективного финансового надзора со стороны государства.	Предупреждение кризисов: антициклическая фискальная политика, жесткая бюджетная политика, ограничения для субнациональных правительств, стабилизационные фонды, гибкий валютный курс, таргетирование инфляции и деолларизация и стимулирование роста внутренних сбережений. Ограниченный отход от практики открытия капитальных счетов.	2. Крупные дефициты, государственные банки и частные, слабо регулируемые банки и мягкая денежная политика – это серьезные препятствия для развития. Они не только не стимулируют рост в среднесрочной перспективе, но и делают страны уязвимыми к финансовым и долговым кризисам с их огромными издержками, особенно для бедных слоев. Странам, стремящимся к процветанию, необходимо проводить осмотрительную финансовую, денежную, фискальную и долговую политику. Но это не то же самое, что каждый год требовать обновления бюджета независимо от обстоятельств. Антициклическая политика одновременно более эффективна и политически более устойчива...
5. Обменный курс				5. Международные финансовые механизмы работают неудовлетворительно. Бедные страны остаются отрезанными от частных финансовых потоков, а уровень официальной помощи недостаточен.
7. Прямые иностранные инвестиции				

Макроэкономическая политика и внешнеэкономические связи

<p>9. Дeregулирование</p> <p>6. Торговая политика</p>	<p>9. Дeregулирование. Правительству должно отменить нормы, препятствующие созданию новых фирм или ограничивающие конкуренцию. Их сохранение может быть оправдано лишь соображениями безопасности, защиты окружающей среды или пруденциального надзора над финансовыми институтами.</p> <p>6. Либерализация торговли. Количественные торговые ограничения следует быстро заменить тарифами, а тарифы должны постепенно снижаться до тех пор, пока не будет установлен единый тариф порядка 10% (или самое большее, около 20%). Имеются, однако, разногласия относительно скорости снижения тарифов и того, не следует ли замедлить процесс либерализации при неблагоприятных макроэкономических условиях.</p>	<p>Либерализация рынка труда. Допустимость установления скромного минимума заработной платы.</p> <p>Торможение либерализации в неблагоприятной макроэкономической ситуации.</p> <p>Дальнейшая унификация тарифов скорее на региональном, чем на глобальном уровне.</p>	<p>6. Действующие международные правила отличает асимметричный подход к регулированию капитала и труда... Поддерживается мобильность капитала, но не труда. Соображения как развенства, так и эффективности говорят в пользу расширения международной миграции...</p> <p>4. Многосторонние торговые переговоры должны проводиться так, чтобы способствовать развитию...</p> <p>7. Ухудшение окружающей среды как вызов для политики устойчивого развития на национальном и глобальном уровнях.</p>
<p>Микроэкономическая политика</p>	<p>2. Приоритеты в государственных расходах</p> <p>3. Налоговая реформа</p>	<p>Перенос акцентов с урезания распухшего государства на укрепление ряда ключевых государственных институтов (особенно независимого центрального банка, бюджетного ведомства).</p>	<p>1. Как базовая экономическая логика, так и международный опыт указывают на то, что качество институтов (таких как уважение власти закона и прав собственности) плюс рыночная ориентация при должном балансе между рынком и государством, а также внимание к распределению доходов, лежат в основе успешных стратегий развития...</p> <p>Ключевая роль государства в создании и поддержке институтов рыночной экономики, обеспечении и интернализации внешних эффектов и (при наличии политической воли) коррекция распределения доходов.</p>
<p>Институты и политика распределения</p>	<p>8. Приватизация</p> <p>10. Права собственности</p>	<p>2. Переориентация государственных расходов на сферы, обещающие высокую экономическую отдачу и позволяющие улучшать распределение доходов, такие, как первоочередная медицинская помощь, начальное образование, а также инфраструктура⁴.</p> <p>3. Налоговая реформа, расширяющая налоговую базу и уменьшающая предельные налоговые ставки с целью достижения большей равномерности налоговой нагрузки по горизонтали без снижения степени прогрессивности реализуемой налоговой системой. Улучшение системы сбора налогов, включая налогообложение процентного дохода от активов за рубежом ("утекшего капитала"), – важный аспект расширения налоговой базы в контексте латиноамериканских экономик.</p>	<p>Усиление прогрессивности налогообложения, разворот от косвенного к прямому обложению, особенно на государственном уровне, является важной особенностью.</p> <p>Ключевая роль государства в создании и поддержке институтов рыночной экономики, обеспечении и интернализации внешних эффектов и (при наличии политической воли) коррекция распределения доходов.</p>

¹ Тексты ВК и БК приведены лишь с незначительными сокращениями; документы 1997 и 2003 гг. представлены выборочно – теми положениями, которые наиболее характерно отражают динамику взглядов в экспертном сообществе. Структура таблицы отличается от структуры каждого из консенсусов, поэтому их разделы распределены по ячейкам таблицы в иной последовательности, чем в исходных документах, при этом нумерация пунктов оригиналов сохранена.

² Набор рубрик, составляющих первоначальную версию ВК в докладе Уильямсона 1989 г.

³ Каноническая версия ВК, впервые сформулированная автором в 1991 г. Русская версия в 1991 г. Русская версия в 1991 г. Русская версия в 1991 г.

⁴ Текст раздела приводится в переводе с версии, опубликованной Уильямсоном в 2000 г.

Источники: *Williamson J.* What Washington Means by Policy Reform / Latin American Adjustment. How Much Has Happened? Ed. by J. Williamson. Wash., 1990; *idem.* The Washington Consensus Revisited. / Economic and Social Development in the XXI Century. Ed. by L. Emmerij. Wash., 1997. P. 48–61; *idem.* What Should the World Bank Think about the Washington Consensus? // The World Bank Research Observer. 2000. V. 15. № 2. P. 252–253; *idem.* Summing Up. Our Agenda and the Washington Consensus / After the Washington Consensus. Ed. by P.P. Kuczynski and J. Williamson. Wash., 2003. P. 305–331. The Barcelona Development Agenda / The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance. Ed. by N. Serra and J.E. Stiglitz. Oxford, 2008. P. 57–60.

перейти в первую категорию в будущем, и только три пункта оставил политикам.

Позже Уильямсон не развивал эту тему, напротив, по мере усиления критики в адрес ВК, все чаще заявлял нечто иное: «Вашингтонский консенсус, как я его себе представлял, – читаем, к примеру, его статью 2000 г., – был в принципе географически и исторически ограничен. Это был наименьшей общий знаменатель реформ, которые “Вашингтон”, по моему разумению, готов был признать необходимыми в Латинской Америке 1989 года»⁴⁰. При этом, как мы знаем, свои десять принципов он продолжал считать актуальными и много позже. Какой “общий знаменатель” Уильямсон находил в себе для двух этих убеждений, можно догадаться по его признанию из публичной речи 2002 г., согласно которому: “Давно пора закончить споры о Вашингтонском консенсусе. Если под этим термином понимать то, что я в него вкладывал, то это все равно что материнство и яблочный пирог – здесь не о чем спорить”⁴¹. Действительно, если Вашингтонским консенсусом назвать веру в то, что лучше иметь сбалансированный бюджет, чем несбалансированный, что небольшая инфляция лучше галопирующей и вообще лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным, то спорить и в самом деле будет не о чем. От грозного универсализма до трюизма – такой жизненный путь уготовил ВК его прародитель.

Из этой истории можно вывести некоторые уроки.

Урок первый – методологический. Способ взаимодействия между экономической теорией и экономической политикой, утвердившийся под влиянием ВК и предполагающий, что теория генерирует некий набор “истинных” принципов экономической политики, который затем навязывается практике, оказался ложным. Альтернативный подход намечен в третьем разделе Барселонского консенсуса, единственном оставшемся за рамками нашего сравнительного исследования двух консенсусов. Он гласит: «Не существует единственного набора политических установок, способных гарантированно запустить устойчивый рост... Страны должны иметь свободу экспериментирования при выборе политики, отвечающей их специфическим условиям, а международные кредитные организации и агентства, оказывающие помощь, должны поддерживать такое экс-

периментирование. Но свобода эксперимента не означает, что в сфере развития пригоден принцип “все дозволено”. Эта свобода не может использоваться как прикрытие для политики, попросту перекачивающей доходы в пользу политически сильных групп. Главная задача состоит в выявлении наиболее узких мест, ограничивающих рост, и их расшивке средствами микроэкономической и макроэкономической политики...»⁴².

Этот подход противостоит самой философии Вашингтонского консенсуса. Он ставит на первое место *экономическую диагностику* – анализ конкретных экономических систем с их специфическими целями и проблемами, а также последующее выстраивание стратегии и тактики экономической политики. В этой диагностической и проектной работе теория выполняет служебную функцию.

Урок второй – теоретический. Дискредитация Вашингтонского консенсуса – это в немалой степени и дискредитация его теоретической базы, которую составляет мейнстрим экономической науки эпохи неоконсервативной волны. Причем речь должна идти не только о неоконсервативных наслонениях на “здоровом” теле мейнстрима, но и о его ядре, с которым неразрывно связана вера в конкурентную рыночную экономику как эталонную экономическую систему. В ответ на вызов мейнстрим меняется. Можно говорить о смещении интереса к анализу неэталонных экономических объектов: разнообразных институциональных структур, неравновесий, информационных асимметрий и т.д.

Курьезный аспект споров вокруг ВК состоит в том, что поначалу его критиковали за одностороннюю сфокусированность на экономическом росте и забвении других целей, особенно социальной справедливости, однако позже стало ясно, что и сфокусированность на росте – это не более чем иллюзия. В основе этой иллюзии как раз и лежала вера в то, что экономическая система, настроенная на поиск эффективных путей использования наличных ресурсов в статике, непременно выведет на оптимальную траекторию роста. “Содействуй росту – не только эффективности” – таков первый вывод из опыта реформ 90-х годов, сделанный в докладе Всемирного банка⁴³.

⁴⁰ *Williamson J.* What Should the World Bank Think about the Washington Consensus? P. 254.

⁴¹ *Williamson J.* Did the Washington Consensus Fail?

⁴² *The Barcelona Development Agenda / The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance.* Ed. by N. Serra and J.E. Stiglitz. Oxford, 2008. P. 60.

⁴³ *Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reforms.* World Bank. Wash., 2005. P. 10.

Применительно к более специальной области – теориям экономического развития – закат ВК означает реабилитацию наследия предыдущих поколений специалистов по развитию, то есть тех, кого приверженцы ВК сознательно стремились оставить в прошлом. Картина мира специалиста по экономическому развитию усложняется. В его арсенал входят эксперименты и микроэконометрика, именно опыт недавних реформ дал мощный толчок политико-экономическим исследованиям.

И первый, и второй уроки имеют непосредственное отношение к экономическому образованию, которое связано с эпохой Вашингтонского консенсуса, вероятно, даже теснее, чем экономическая наука.

Урок третий – практический. Вашингтонский консенсус ушел в историю, но его реликты живут

и сегодня, в том числе в отечественной экономической системе, которая во многом сформировалась в годы его господства. Достаточно упомянуть плоскую шкалу налогообложения или упорные усилия по избавлению государства от его социальных обязательств. Впрочем, можно указать и на такие сферы, где наша отечественная практика государственного регулирования не дотягивает даже до устаревших стандартов Вашингтонского консенсуса, который никогда не давал рекомендаций экономить на экологии или на школьном образовании. Знают ли правительственные чиновники, что живут вчерашним днем?

Ключевые слова: Вашингтонский консенсус, Барселонский консенсус, Джон Уильямсон, экономическая теория, теории экономического развития, неоконсервативная волна.